

Особые дети

А. Вайткявичене, Р. Кучинскене

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ АРТ-ТЕРАПИИ

Вайткявичене Аста — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой специальной дидактики факультета для социально незащищенных и лиц с недугами Шяуляйского университета Литовской Республики.

Научные интересы — социальное развитие ребенка, психологическая и педагогическая помощь, использование методов арт-терапии в решении детских проблем развития.

Кучинскене Раса — психолог, автор статей для прикладных психологических журналов Литвы «Психология Тебе», «Я и психология». Ведет семинары по арт-терапии.

Область интересов — психология творчества, психодрама, арт-терапия.

Окончание. Начало в «Вестнике практической психологии образования» №№ 3 и 4 за 2009 год.

Анализ причин плохого поведения Симаса

Особенности взаимоотношений между Симасом, его семьей и арт-терапевтом можно объяснить, обратившись к работам А. Адлера. Он писал, что существуют три разновидности детского опыта, которые вызывают чувство неполноценности: возможный дефект, избалованность ребенка и его запущенность (Adler, 1997, с. 131). С нашей точки зрения, у Симаса одновременно проявились последствия всех трех вышеназванных факторов: дефекта, избалованности и запущенности.

А. Адлер отмечал, что врожденный дефект может вызвать как позитивную, так и негативную компенсацию. Развитие отношений мальчика с мамой показывает, как Симас пережил все три выделенные А. Адлером ситуации, способствующие формированию у ребенка чувства неполноценности.

Учитывая то, что врожденная умственная отсталость — особо тяжелое состояние, мама Симаса очень заботилась о нем. Благодаря ее опеке и поддержке мальчик, учитывая его недуг, достаточно хорошо развивался (об этом свидетельствуют рассказы мамы). Вероятно, он доверял окружающим и верил в свои силы.

Можно предположить, что у него было достаточно развитое чувство социальной зрелости. По А. Адлеру, эмпатия является одним из аспектов этого чувства, а на то, что Симас хорошо понимал эмоции другого человека, указывает дневник арт-терапевта (запись от 17 сентября 2000 г.). Мы предполагаем, что забота мамы и ее желание как можно больше помочь сыну продвигнуться в развитии превысили возможности мальчика. Наступил момент, когда он был уже не в состоянии оправдать надежды ни мамы, ни учителей.

По-видимому, усталость и психическое истощение Симаса спровоцировало у мамы сильное разочарование в себе, сыне и в своих усилиях. Она перестала заниматься развитием ребенка, продолжая только ухаживать за ним. Все, как и в детстве, делалось за растущего и набирающего физическую силу мальчика. Он привык, ничем не занимаясь, получать внимание и ни за что не нести ответственность.

Е. Дрейкурс Фергюсон утверждает, что, когда ребенок избалован, он не приобретает правильный социальный опыт, который

Цели	Реакции детей	Чувства и реакции родителей
Добиваться внимания	Когда делается замечание, он на некоторое время прекращает нежелательное поведение. Почувствовав отсутствие внимания, ведет себя по-прежнему.	Думают, что ребенок — проблемный, назойливый или отнимает много времени.
Демонстрировать силу	После замечаний и строгих требований ребенок и дальше ведет себя плохо, иногда даже еще хуже.	Чувствуют поражение, разочарованы, злы, переживают крах.
Стремиться к мести	Требования и уговоры вызывают в ребенке еще большую ожесточенность. Он стремится мстить за попытки контролировать его поведение.	Чувствуют себя обиженными. Думают, что ребенок мерзкий и противный.
Замыкаться в себе	При желании «расшевелить» его или при побуждении к какому-либо занятию ребенок еще более замыкается в себе и не проявляет никакой ответной реакции.	Чувствуют свое поражение, потерю надежды, бессилие.

Табл. 1. Характеристики целей плохого поведения ребенка

позволил бы ему воздействовать на других и на основе равноправного сотрудничества реализовать свои возможности: «Он привыкает к мысли, что все обязаны заботиться о нем» (Dreikurs Ferguson, 2000, с. 19). Опираясь на идеи А. Адлера, мы можем предположить, что поддерживаемое мамой чувство социальной зрелости Симаса пропало, а ее надежда на «уверенность ребенка в своих силах» трансформировалось в потакание его прихотям. В свою очередь, чувствуя эмоциональное отторжение мамы, Симас начал требовать к себе все большее внимания. И в случае, когда ему не удавалось получить желаемого или когда он думал, что получает его не в полной мере, мальчик начинал манипулировать чувствами других людей или требовать внимания, прибегая к мести (об этом свидетельствует то, что Симас кидал предлагаемую еду в стену и мочился в штаны намеренно). Домочадцы, думая, что его неадекватные требования возникают из-за умственной отсталости, изо всех сил пытались ему угодить, тем самым, сигнализируя, что мальчик может требовать большего. Внешне казалось, что мнимые (по мнению учителей) невнимание и нелюбовь к Симасу спровоцированы психической усталостью и истощением его мамы.

Отношения Симаса с арт-терапевтом попробуем объяснить с позиции последовательницы А. Адлера Е. Дрейкурс Фергюсон, которая выявила цели плохого поведения у детей. Опираясь на них Л. Булотайте, Р. Пиворене, Н. Стурлене (2000, с. 21) выделили три фактора негативного поведения ребенка: само поведение ребенка, его реакции на замечания и спровоцированные поведением ребенка переживания родителей. В табл. 1 представлены реакции ребенка на замечания и реакции родителей на поведение ребенка. При этом надо иметь в виду, что ребенок может одновременно добиваться нескольких целей.

Из дневника арт-терапевта можно увидеть, что в поведении Симаса встречаются недостойные цели. Зафиксированная 20 сентября 1999 г. реакция мальчика показывает, что после замечаний арт-терапевта он перестал задавать назойливые вопросы. Рисунок, в котором он отразил похороны бабушки Полюса, он окрасил в нормальные цвета, хотя на другом рисунке (с изображением Бога) преобладали черные цвета. Эти факты, на наш взгляд, указывают на то, что, перестав добиваться внимания терапевта (Симас на некоторое время перестал вести себя недостойно), он перешел к демонстрации силы. Арт-терапевт воспринял такое поведение нормально, полагая, что из-за недостаточно развитого интеллекта мальчик не различает ценностей. Однако в записи 11 октября 1999 г. зафиксирован короткий разговор с Симасом, который свидетельствует, что тот размышляет, оценивает и делает логичные выводы.

Выбор мальчиком вида деятельности 9 октября 2000 г. указывает на то, что игра на сцене помогает ему лучше, чем рисование, выразить то, чего он хочет добиться. Этот вывод подтверждается и явным недовольством Симаса предложением порисовать от 22 октября 2001 г. Кроме того, выбор мальчиком ролей метафорически иллюстрирует желание Симаса быть героем, сильным человеком. Арт-терапевт, зная, что сериал-боевик «Горец» повествует историю Маклауда, борца за справедливость и добро, делает вывод, что идентифицируя себя с этим героем, Симас стремится быть человеком, который правит судьбами людей.

Надо учитывать, что обсудить что-либо с подростком сложно: речь Симаса несвязная. 6 ноября 2000 г. в дневнике арт-терапевта зафиксирован рассказ Симаса о том, что он нарисовал. Этот рассказ отражает многочисленные впечатления, полученные им в реальной жизни и из телесериалов, а также его фантазии. Но проследить логическую связь между отдельными фрагментами повествования не удается.

Симас не может определиться, с кем ему отождествлять себя: с положительным или отрицательным героем. 11 декабря 2000 г. мальчик обвинил арт-терапевта в том, что тот выбросил видеокассету в мусорную корзину. Арт-терапевт предположил, что Симас ощущает обиду на кого-то из взрослых и, выбирая роли отрицательных героев, таким образом проявляет свою злость.

Терапевт решает вместе с мальчиком просмотреть записанные на видеокассете части сериала и по силе эмоций Симаса определить, какой сюжет ему больше всего нравится. 10 января 2001 г. в дневнике зафиксированы результаты этого исследования, выявляющие, что Симас ассоциирует себя с отрицательным героем. Запись от 15 января 2001 г. показывает, что в своем выборе мальчик преследует одновременно цели мести и привлечения внимания. По описанным арт-терапевтом переживаниям можно понять, что Симас манипулирует его чувствами и стремится к мести. Похожее состояние повторилось и 22 февраля. События и комментарии в записи от 28 февраля показывают, что манипулирование Симаса чувствами арт-терапевта достигает кульминации. Можно предположить, что Симас хотел вернуть внимание арт-терапевта, выступая как хороший актер.

Сравнив замечания, зафиксированные в дневнике, с поведением мальчика и рассказом мамы, можно предположить, что своими негативными поступками Симас пытался продемонстрировать свою силу. Но эта демонстрация силы, а также способность Симаса творчески воспользоваться ситуацией, применение прежнего опыта в новых обстоятельствах как раз и доказывают, что ребенок со средним нарушением интеллекта способен планировать свои поступки и реализовать эти планы.

В период с 15 сентября 1999 г. по 28 февраля 2001 г. негативное поведение Симаса повторялось пять раз. Оценивая его динамику можно заключить, что из триады целей «внимание — сила» Симас перешел к триаде «внимание — сила — месть». Хронологически эту динамику можно проиллюстрировать графически (рис. 1).

Очевидно, что, общаясь с арт-терапевтом, Симас начал использовать ту же модель поведения, что и с мамой. Разница лишь в том, что дома эти отношения стали уже более сложными, и поведение Симаса вышло из-под контроля мамы. Можно предположить, что во время занятий мальчик переносил на арт-терапевта опыт своих отношений с мамой.

Такое предположение обосновано двумя обстоятельствами. Во-первых, Симас несколько раз говорил арт-терапевту, что хотел бы пойти жить к нему домой. Во-вторых, динамика взаимоотношений с терапевтом указывает на то, что чем больше арт-терапевт осознает причины поведения Симаса и хочет ему помочь, тем шире становится амплитуда целей негативного поведения мальчика (записи от 9 октября 2000 г. и 15 января 2001 г.).

Можно предположить, что его отношения с арт-терапевтом не ухудшались потому, что тот не был столь уступчив, как мама. Поняв, что Симас ведет себя плохо, он делал замечания, а мама поведение Симаса чаще всего оправдывала недостатком его интеллекта и неспособностью отвечать за свое поведение. Ее терпение лопнуло лишь тогда, когда поведение Симаса стало невыносимым.

С точки зрения осознания мальчиком своей неполноценности, его поведение можно считать компенсаторным. Наблюдая сверстников, Симас чув-

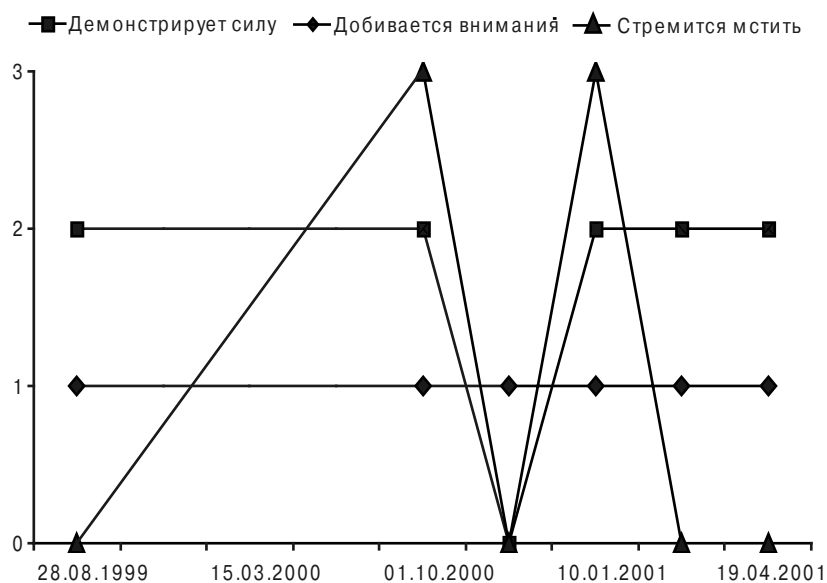

Рис. 1. Динамика причин негативного поведения Симаса

ствовал свою неполноценность. Но поддержка мамы, вера в его силы позволили ему это чувство преодолеть и достигнуть значительного прогресса в своем развитии. Однако, когда требования превысили его возможности, мальчик ощутил сильное чувство неполноценности. На этот раз оно было более глубоким, поскольку от Симаса эмоционально отстранилась разочаровавшаяся в нем мама. Чувствуя недостаток внимания, он уже не верит в свои силы, а, вспоминая внимание и поддержку мамы в детстве, выбирает новую линию поведения — оставаться маленьким ребенком. Продолжая и дальше испытывать недостаток внимания, Симас регрессирует до состояния младенца (об этом стремлении свидетельствует то, что он мочится в штаны).

Когда была создана студия «Credo», арт-терапевт неожиданно обнаружил склонность Симаса к театрализованным представлениям. Можно предположить, что она возникла не случайно. Она лишь средство достижения Симасом своей цели: дома он исполнял роль младенца. Стремясь установить с мальчиком эмпатическую связь, арт-терапевт поддерживает стремления Симаса, ценит его усилия. Тот получает то, чего желает, — внимание и веру в его силы. Именно это побуждает его стараться и развиваться. Это единственная возможность почувствовать себя сильным. Но, обнаружив, что его поступки иногда контролируются (ограничиваются, устанавливаются временные рамки), Симас не хочет с этим мириться и демонстрирует силу (на это указывают неадекватные упреки, свидетельствующие о том, что мальчик потерял веру в обещания, что он не верит близким) или даже месть. Осознавая, что основное внимание арт-терапевта он заслуживал только стремлением хорошо играть, и почувствовав, что желаемое внимание он может потерять (запись в дневнике от 26 февраля 2001 года), мальчик решил выбрать впечатляющую роль — попытку самоубийства.

Обсуждение

Сопоставляя работу с подростками в студии «Credo» и возможную динамику арт-терапевтического процесса, можно сделать вывод о том, что художественное самовыражение молодых людей со средним нарушением интеллекта (СНИ) можно развивать, если в этой работе предоставлены адекватные их возможностям условия для творчества:

- техническая поддержка — дана свобода выбора средств выражения в рамках арт-терапии;
- эмоциональная поддержка — терапевт обращает внимание на инициативу и стремления подростков со СНИ;
- когнитивная поддержка — рисунки обсуждаются, арт-терапевт предоставляет право воспитанникам самим давать названия своим рисункам.

Работа студии «Credo» позволяет рассматривать работу с Симасом как арт-терапевтический процесс. Контакт между молодым человеком со СНИ и арт-

терапевтом свидетельствует о наличии феномена переноса — одного из признаков терапевтического процесса. Можно считать, что эмоциональная и когнитивная поддержка арт-терапевта поощряла изобразительную спонтанность, творчество, инициативу и смелость, стремление к эксперименту у молодого человека с СНИ. Перечисленные признаки можно считать его личностными изменениями. Но эти изменения личности становятся дискуссионными.

В понятии арт-терапевтического процесса делается акцент на рефлексии клиента. Обсуждение рисунков было направлено на поощрение этой рефлексии. Можно сделать вывод, что именно обсуждение рисунков и право подростка самому его назвать, а также эмоциональная поддержка арт-терапевта спровоцировали инициативу, смелость и эксперименты в общении у молодого человека, т. е. признаки, которые проявились в феномене переноса. Но процесс рефлексии Симаса был направлен на поощрение самоэффективности, а не на отношения с арт-терапевтом.

Несмотря на расхождение направления рефлексии в описанном случае с принятым в арт-терапевтическом процессе, динамика отношений между арт-терапевтом и молодым человеком с СНИ вполне соответствует условиям детского психотерапевтического процесса адлеровского направления. Адлеровские психотерапевты придерживаются установки, что в терапевтическом процессе личность ребенка изменить нельзя, а нужно все усилия направить на изменение его отношения с родителями. Следуя этому принципу, мы представили анализ случая матери Симаса. К сожалению, в данном случае причины поведения мальчика не были положительно встречены его мамой. Интерпретация целей поведения, сделанная арт-терапевтом, была отвергнута, хотя мама и подтвердила почти все особенности поведения своего сына. Но факты поведения она рассматривала как отдельные случаи и не выстраивала их в логическую цепочку. Главный вывод, который она сделала, — у учительницы Симаса сложилось впечатление, что его семья выглядит как асоциальная. Конечно, можно понять боль матери... Но возникшие разногласия между интерпретациями поведения мальчика ставят перед психологами целый ряд вопросов. Результативна ли арт-терапия для людей с СНИ? Если да, то как эти результаты можно использовать? И главное — нужно ли переубеждать родителей, если имеются различия между видением арт-терапевта и родителей?

Образцы рисунков Симаса представлены на CD.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: Прогресс, 1974.

17-ая ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция по педагогике развития

«Педагогика развития: движущие силы и практики развития»

26—28 апреля 2010 года, Красноярск

Организаторы: Министерство образования и науки Красноярского края, Институт психологии и педагогики развития СО РАО, Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Красноярская университетская гимназия «Универс» №1», Красноярский педагогический колледж №1, Психологический институт РАО, Международная ассоциация развивающего образования.

В рамках данной тематики конференции предполагается продолжить презентации результатов завершённых, текущих и предстоящих проектов, разработок и исследований, выполняемых в культурно-исторической традиции развивающего образования. Предполагается открытый диалог с представителями других научных школ и образовательных практик.

Основное направление докладов, сообщений и дискуссий предполагается посвятить научным, прикладным исследованиям и образовательным практикам, в которых представлен опыт наиболее эффективной деятельности профессиональных сообществ в области оформления и продвижения тех идей и технологий, которые можно отнести к Практикам развития. Важными вопросами для обсуждения являются: истоки потребности в развитии; движущие силы развития человека и их динамика в разных возрастах; особенности присвоения и продвижения идей развития в педагогическом профессиональном позиционировании; образовательные притязания и установки; ресурсные возможности системы образования и ее институтов для реализации практик развития; критерии развития. Традиционными в рамках конференции являются вопросы специфики теоретических разработок и практик развития в различных возрастах и соответствующего обеспечения институциональных условий для различных ступеней образования. Особое внимание предполагается уделить обсуждению проблемы инициативы и самостоятельности как персонифицированных участников образовательного процесса, так и различных образовательных организаций и коопераций.

По итогам конференции планируется издание материалов с текстами докладов и дискуссий. Уточняем, что мы публикуем не тезисы, а развернутые тексты докладов участников конференции, подготовленные по итогам выступления.

Адрес: 660001, Красноярск, ул. Корнеева, д. 50.

Тел./факс: 8 (391) 243-68-46, 243-76-23.

E-mail: conf@ippd.ru, ananina@univers.krasu.ru

Сайт: <http://conf.ippd.ru>

2. Выготский Л. Психология. — М.: Апрель Пресс; Эксмо-Пресс, 2000.
3. Дилео Дж. Детский рисунок. — М.: Эксмо-Пресс, 2001.
4. Джендлин Ю. Фокусирование. — М.: Класс, 2000.
5. Левин К. Динамическая психология. — М.: Смысл, 2001.
6. Мухина В. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. — М.: Педагогика, 1981.
7. Роджерс К. Становление личности. — М.: Эксмо-Пресс, 2001.
8. Adler A. Zmogaus pazinimas. — Vilnius: Vaga, 2003.
9. Bulotaite L., Pivoriene R., Sturliene N. Drauge su vaiku... — Vilnius: Efrata, 2000.
10. Dalley T. (Sud.). Daile kaip terapija. — Vilnius: Apostrofa, 2004.
11. Davis J., Gardner H. Kognityvine revoliucija ir jos poveikis vaiko-dailininko supratimui bei ugdymui // Matonis V. (Sud.). Siuolaikinio meninio ugdymo koncepcijos. — Vilnius: Enciklopedija, 2000. — P. 109—132.
12. Dreikurs Ferguson E. Adlerio teorijos ivadas. — Alytus: Alytaus spaustuve, 2000.
13. Forestier R. Tout savoir sur l'art-therapie. — Lausanne: Favre, 2000.
14. Ivanovic N. Vidinis vaizdiniu pasaulis. Padalomoji nepublikuota seminario medziaga, 2007 m. spalio 12—14 d.
15. Lowenfeld V., Brittain, W. Creative and mental growth (nepublikuotas vertimo rankraštis). — 1964.
16. Piliciauskas A. Neigaliuju meninis ugdymas: psichologines reabilitacijos ir socializacijos galimybes. 1 kn. — Vilnius: LAMUC, 1998.
17. Piliciauskas A. Neigaliuju meninis ugdymas: psichologines reabilitacijos ir socializacijos galimybes. 2 kn. — Vilnius: LAMUC, 2002.
18. Piliciauskas A. (Red.). Neigaliuju meninis ugdymas. — Vilnius: Kronta, 2005.
19. Rodriguez J., Troll G. L'art-therapie. Practiques, techniques et concepts. — Paris: Ellebore, 2006.
20. Rubin J. Child Art Therapy. — USA: Brooks & Co, 1979.
21. Sudres J.-L. La creativite des handicapes mentaux: trajectoires, actualites et relexions. // Vie sociale et traitement. — 1994, (40), 3—4. — P. 26—30.
22. What is Art Therapy? — BAAT — http://www.baat.org/art_therapy.html [ziureta: 2008.11.26].
23. Widlocher D. L'interpretation des dessins d'enfants. — Liege: Mardaga, 1998.